

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

5-6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1946

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Пичета В., проф.— Образование белорусского народа	3
Греков Б., акад.— Крестьяне-новопорядчики	30
Губер А., проф.— Филиппинская республика 1898 г. и её борьба за международное признание	46

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Кан С., проф.— Вопрос о мануфактурной стадии развития германского капитализма в исторической литературе	62
Хачапуридзе Г., проф.— К вопросу о культурных связях России и Грузии в первую половину XIX в.	76
Сивков К., проф.— Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII в.	90
Зайончковский П.— Архив Д. А. Милютин	96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К р и т и ч е с к и е с т а т ь и

Рейснер И., проф.— Некоторые проблемы истории Индии	105
---	-----

Р е ц е н з и и

Кокиев Г., проф.— Кикодзе Геронти «Иракий Второй»	116
Бернштам А.— «Материалы по истории таджиков и Таджикистана»	119
Генкина Э., проф.— Главное архивное управление НКВД СССР. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. «Путеводитель»	122
Гуковский М., проф.— Буэно Де Мескита Д. М. «Галеаццо Висконти. Герцог Милана (1351—1402)»	124
Семёнов В., проф.— Стентон Ф. «Англо-саксонский период в истории Англии»	126
Молок А., проф.— Ротштейн Ф., акад. «Две прусские войны»	129
Яцунский В.— Кёртис Уилгёс «Исторические работы и историки Испанской Америки»	133
Пичета В., проф.— Гейман М. «Косцюшко в американской революции»	134
Фундаментальная библиотека общ. наук АН СССР. Издания Польской академии наук	136
Лясковский С.— Американские журналы по древней истории	139
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	142

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Альтман В.— Сессия отделения истории и философии АН СССР	148
Будовниц И. — «Исторические записки», тт. XV, XVI и XVII	151

Историческая наука за рубегом

ОТ РЕДАКЦИИ	156
-----------------------	-----

Сивков Константин Васильевич

(12)24.05.1882, Белгород, — 12.12.1959, Москва

доктор исторических наук (1945), профессор (1947)

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ в России в конце XVIII в.

В последней трети XVIII в. Россия переживала весьма заметное разложение феодально-крепостнического строя и рост буржуазно-капиталистических отношений. Помещичье хозяйство становится менее натуральным и замкнутым. Растут фабрично-заводская промышленность, внутренняя и внешняя торговля; встаёт и настоятельно требует своего разрешения вопрос о сравнительной выгоды вольного и крепостного труда.

Процесс развития буржуазных отношений сопровождался ухудшением положения народных масс, большей социальной дифференциацией, напряжённой междуклассовой и внутриклассовой борьбой.

Борьба в области социально-экономических отношений и большие изменения в социальной структуре общества вызвали значительную перестройку идеологического фронта, на котором тоже шла напряжённая борьба. В этом же направлении действовало всё усиливавшееся влияние прогрессивных идей и революционных событий Запада. Всё это делает изучение общественной мысли и общественного движения в России в последней трети XVIII в. особенно важным.

Историческая наука немало сделала для того, чтобы стало возможно составление полной и исчерпывающей истории общественной мысли и общественного движения XVIII в. и, в частности, его последней трети. Больше всего изучена общественно-политическая и литературная деятельность таких крупнейших деятелей конца XVIII в., как, например, Фонвизин, Державин, Карамзин, князь Шерbatов, Новиков, Радищев и др. Неплохо выяснена деятельность Вольно-экономического общества, Академии наук и Российской академии. Очень много сделано для написания истории пугачёвского восстания, этого грандиозного народного движения 70-х годов XVIII века.

Но история общественной мысли и общественного движения России в конце XVIII в. не укладывается в рамки деятельности только названных выше лиц и учреждений, а движение широких народных масс не ограничивалось лишь их участием в восстании под предводительством Пугачёва. Были менее заметные деятели и более мелкие общественные движения, которыми историки мало занимались. Меня интересовали взгляды и настроения среднего и мелкого дворянства того времени, поведение которого было не менее важно в общем ходе жизни, чем поведение верхов дворянства.

Конечно, и в комиссии 1767 г. и в тогдашней публицистике идеология среднего и мелкого дворянства нашла своё отражение, и тем не менее я считал необходимым собрать и проанализировать ещё новый материал по вопросу о взглядах и общественном движении этого социального слоя. Также важно для понимания общественной мысли и общественного движения конца XVIII в. выяснение того, чем жила и к чему стремилась средняя и мелкая буржуазия того времени, удельный вес которой возрастал во всех областях жизни.

Интересовал меня также вопрос о роли и месте духовенства в общественном движении конца XVIII века. Наконец, мне хотелось выявить настроения и роль в общественной жизни конца XVIII в. той социальной группы, которая только стала складываться в XVIII в., — разночинцев.

Всё сказанное выше привело меня к изучению документов и литературы по истории общественной мысли и общественного движения в последней трети XVIII века. Но изучение напечатанных документов показало, что при всём их обилии многие важные вопросы остаются мало освещёнными.

Мною был сделан вывод о необходимости найти в архивах новые материалы, которые характеризовали бы настроения и движения широких масс населения России. Меня давно интересовали документы фонда Тайной экспедиции (VI и VII разряды Государственного архива), документы политических процессов, которые вело это учреждение в последней трети XVIII века (Тайная экспедиция, как известно, была создана в 1762 г.). Изучением указанного архивного фонда я и занялся. Мною было изучено 1095 дел этого фонда, объёмом в несколько десятков тысяч листов¹. Так как Тайная экспедиция имела, так сказать, филиал в Москве, то часть политических процессов была проведена там. Дела этих процессов входят в фонд «Тайной канцелярии и других секретных учреждений» и значатся в описи № 285, охватывая 1751—1800 годы. Оба фонда хранятся в Государственном архиве древних актов в Москве. Параллельно я вел изучение Полного собрания законов и разнообразных печатных материалов и литературы.

Приступая к работе над диссертацией, я поставил своей задачей осветить несколько крупных и, по моему мнению, важных моментов и явлений в области общественной мысли и общественного движения последней трети XVIII в., на которых мало останавливалось или совсем не останавливалось внимание предшествующих исследователей.

Документы процессов, которые вела Тайная экспедиция, содержат в себе своеобраз-

* Автореферат докторской диссертации «Очерки по истории политических процессов в России в последней трети XVIII в. (К истории общественной мысли и общественного движения конца XVIII в.)»

¹ Из 1095 дел мною были отобраны документы 150 процессов, которые и послужили основным материалом для моей работы.

разные и очень богатые материалы по истории общественной мысли и общественного движения последней трети XVIII века. Эти материалы в некоторой своей части были предметом публикации уже в дореволюционное время, а отчасти после Октябрьской социалистической революции и вошли в научный оборот, но во всём своём объёме они до сих пор не являлись предметом какого-либо исследования. А между тем без этих материалов политических процессов (которые долгое время хранились в секретных фондах) невозможно дать полную историю общественной мысли и общественного движения того времени.

В отборе материалов из указанных выше архивных фондов я руководствовался следующими соображениями. Я не изучал дел уголовного порядка, разбиравшиеся в Тайной экспедиции, так как они не характеризуют общественную мысль и общественное движение. По этой же причине я не изучал дел об иностранцах. Немногочисленные дела Тайной экспедиции о старообрядцах и масонах содержат отрывочные и очень неполные сведения. Кроме того и по своему характеру эти дела, в сущности, ничего не дают для характеристики общественно-политических настроений.

Документы о восстании под предводительством Пугачёва, имеющиеся в большом количестве в фонде Тайной экспедиции (преимущественно в VI ящике Государственного архива), были уже не раз предметом изучения и публикации и, конечно, будут и впредь изучаться и публиковаться. Я изучал эти документы лишь с целью выявления многочисленных самозванцев последней трети XVIII в. и посвятил этой теме VI главу своей работы.

Я не ввёл в своё изучение также документы Тайной экспедиции о Новикове и Радищеве. Они давно известны и не раз изучались. Меня привлекала другая задача — показать тот широкий общественный фон, на котором развивалась деятельность Новикова и Радищева, показать тот круг людей, среди которых эта деятельность находила разнообразие отклики. Поэтому мне представлялись особенно интересными материалы о Кречетове, Гр. Попове, В. Пассеке и других «вольнодумцах» конца XVIII в., а также об авторах различных проектов и о неизвестных обличителях, пытавшихся раскрыть злоупотребления властей.

В силу высказанных соображений и отчасти под влиянием содержания изучавшихся мною архивных и печатных материалов определилось следующее содержание моей диссертации (общим объёмом свыше 30 печатных листов): 1. Тайная экспедиция, её деятельность и документы. 2. Процессы недовольства среди разных социальных слоёв населения России. 3. Процессы, связанные с секуляризацией церковных имуществ. 4. Процессы о подпольной литературе. 5. Процессы о попытках раскрыть злоупотребления властей. 6. Процессы о самозванцах. 7. Процессы о подготовке переворота. 8. Процессы авторов проектов. 9. Процессы вольнодумцев.

Я не изучал всё делопроизводство Тайной экспедиции и на процессуальной стороне

дела в 1-й главе остановился лишь постольку, поскольку это было нужно для характеристики документов, которые отложились в результате деятельности Тайной экспедиции и были предметом моего изучения. Содержание следственных материалов Тайной экспедиции очень разнообразно. Тут имеются протоколы допросов, «вопросные пункты», собственноручные показания людей, попадавших в Тайную экспедицию, «изветы» и т. п., а также разными путями попадавшие в Тайную экспедицию различные подложные манифесты и указы, подложные письма или «пасквили», по терминологии того времени, наконец, проекты, записки, различные «сочинения». Эти последние виды документов Тайной экспедиции являются наиболее ценными материалами фонда Тайной экспедиции, так как были написаны до того, как их авторы, действительные или предполагаемые, попали в руки Тайной экспедиции.

Самым существенным недостатком материалов Тайной экспедиции является то, что они лишь частично освещают вопрос о роли и месте просветительских идей в сознании лиц, попадавших в Тайную экспедицию. Её руководители и организаторов не интересовала, видимо, проблема возникновения и развития этих идей, а люди, попадавшие в руки Тайной экспедиции, естественно, лишь отчасти освещали эти вопросы в своих показаниях.

Чтобы охарактеризовать те документы, которыми я пользовался в своей работе, я считал необходимым остановиться на условиях и обстановке их возникновения и на лицах, под воздействием которых эти документы создавались и которые ими потом оперировали. Я выяснил, как Екатерина II сейчас же по вступлении на престол создала Тайную экспедицию при Сенате, которая полностью заменила Тайную канцелярию, упразднённую при Петре III. Манифестом 19 октября 1762 г. и частными распоряжениями от 2 октября 1762 г. на имя генерал-прокурора А. И. Глебова и от 3 октября того же года по делу Хрущёвых и Гурьевых был определён тот порядок рассмотрения и решения политических дел, который продержался в течение всего царствования Екатерины II. Менялись за 34 года лица, но порядок прохождения и решения этих дел оставался всё тот же.

После недолгого пребывания на посту генерал-прокурора А. И. Глебова генерал-прокурорскую должность занял князь А. А. Вяземский. При вступлении в должность Вяземский получил от императрицы собственноручное «секретнейшее наставление». Екатерина считала его своим учеником. Н. И. Панин, который совместно с князем Вяземским в течение многих лет подписывал приговоры Тайной экспедиции, выражал удивление, «как fortuna его на это место поставила». С 1792 г. до конца жизни Екатерины II генерал-прокурором был А. Н. Самойлов (пожалованный в 1795 г. в графы), обязанный своим назначением князю Г. А. Потёмкину, на родной сестре которого был женат его отец.

Таковы были те лица, которым принадлежала руководящая роль в проведении поли-

тических процессов в последней трети XVIII века. Всё это были посредственные фигуры, действовавшие по шаблону. Они не были государственными людьми, и потому деятельность их в Тайной экспедиции носила ведомственный, узкий характер. Правда, среди членов коллегии Тайной экспедиции (формально она никогда не была создана) была фигура и совсем иного масштаба — Н. И. Панин. Он подписывал приговоры Тайной экспедиции сначала совместно с Глебовым, потом с Вяземским, но, по всем данным, руководящей роли в проведении политических процессов 60—80-х годов он не играл (за исключением дела Мировица). Включение его в решение вопросов по «тайным делам» было ловким тактическим шагом Екатерины. Панин был сторонником регентства Екатерины, и у него было, видимо, немало приверженцев в этом вопросе. Екатерина не любила Панина и боялась его. Чтобы связать его, она сделала Панина воспитателем своего сына. Введя Панина в число деятелей Тайной экспедиции, Екатерина обезвреживала его. Наконец, этим она устанавливала своего рода контроль над действиями генерал-прокуроров.

Фактическим вершителем дел Тайной экспедиции был известный С. И. Шешковский, бессменный неофициальный глава её в течение 30 лет (с 1763 г.), который, по выражению Потёмкина, «кнутобойничал» в ней. Шешковский был розыскных дел мастером, неразборчивым в средствах при добытии сведений, нужных начальству.

Всё делопроизводство Тайной экспедиции с несомненностью подтверждает, что в ней широко применялись и телесные наказания, и пытки, хотя эти факты неоднократно отрицались Екатериной. Главным материалом, на котором возникали и строились процессы Тайной экспедиции, были доносы.

Изучение делопроизводства Тайной экспедиции показывает, что материалы некоторых процессов дошли до нас не полностью, а часть дел была уничтожена по распоряжению свыше. Некоторые процессы при Екатерине II разбирались специальными комиссиями.

Все приговоры Тайной экспедиции носили явно выраженный классовый характер. Это сказывалось, с одной стороны, в степени наказания, к какому присуждались представители разных классов, а с другой — в размере денег, которые отпускались на содержание осуждённого в назначенном ему месте заключения.

Выяснив всесторонне недостатки материалов Тайной экспедиции, я тем не менее пришёл к заключению, что они являются очень важным и ценным источником для истории общественной мысли и общественного движения конца XVIII века.

В главе II своей работы я рассматриваю причины и формы словесного проявления недовольства существовавшим тогда в России строем. Я выясняю, что сложная и глубокая перестройка социально-экономических отношений, происходившая в России в последние десятилетия XVIII в. и затрагивавшая интересы всех социальных слоёв населения, естественно, создавала в их среде много недовольных, которые, однако, в про-

мадном своём большинстве направляли своё недовольство не против всего тогдашнего строя жизни, а против отдельных представителей власти и прежде всего против императрицы и её окружения. Главную причину всех народных бедствий многие крестьяне и солдаты видели в том, что на престоле находится женщина; при «настоящем государе» жизнь должна, по их мнению, измениться к лучшему. Непосредственными причинами недовольства широких народных масс в последней трети XVIII в. были частые рекрутские наборы, общие тяжёлые условия жизни солдат, многочисленные обременительные сборы и повинности, лежащие на населении, злоупотребления и поборы чиновников, рост дороговизны жизни и, в частности, рост хлебных цен.

Особенно важное значение для правительства Екатерины II имело недовольство среди армейских и гвардейских частей. Несмотря на ряд мероприятий, имевших целью удержать армию и особенно гвардию на стороне правительства, среди солдат и офицеров екатерининской армии в первые 15—20 лет царствования преемницы Петра III было большое число недовольных, выражавших своё недовольство в разных формах. В 80-х и 90-х годах настроение армии и гвардии, видимо, меняется, и в эти годы Тайная экспедиция почти не вела процессов о выражении недовольства среди солдат и офицеров.

Наибольшее влияние на настроения армии, в частности гвардии, в первые 15—20 лет царствования Екатерины II оказали три обстоятельства: частые рекрутские наборы; начавшаяся в конце 1768 г. война с Турцией, осложнявшаяся началом раньше вмешательством в дела Польши; лагерные сборы, устраивавшиеся с 1765 года.

Рост оппозиционных настроений среди офицеров и солдат в известной мере был вызван созывом комиссии 1767 г. для выработки проекта нового Уложения. Неправильно толкуя намерения правительства Екатерины II, офицеры осуждали этот шаг, как антидворянский, солдаты подозревали в созыве комиссии опасную затею господ.

Количество крестьян разных категорий, выражавших недовольство существовавшим тогда строем и попавших за это в Тайную экспедицию, было относительно невелико, оно в несколько раз меньше количества солдат, прошедших через Тайную экспедицию в 1762—1796 годах. Объясняется это отчасти тем, что аппарат Тайной экспедиции не охватывал своими щупальцами всей крестьянской массы, многие случаи выражения крестьянами недовольства рассматривались в местных учреждениях, и потому эти мелкие процессы не нашли своего отражения в документах Тайной экспедиции.

В высказываниях недовольных мелких и средних чиновников звучали те же мотивы, что и в высказываниях крестьян и солдат. Кроме того они указывали на несправедливость, именно их угнетавшие: трудность, а иногда и невозможность найти службу, её плохую оплату, обиды со стороны высокомерного и ленивого начальства.

Количество недовольных среди купечества, по данным Тайной экспедиции, было

совершенно незначительно. Ряд мероприятий общэкономического и финансового характера, открывавших купечеству возможность развития торговли и промышленно-сти, завершённых грамотой 1785 г., более или менее примирял его с теми явлениями русской жизни, на которые жаловались представители других социальных слоёв.

Дворянство как наиболее развитый и лучший других организованный класс выражало свое недовольство не только и не столько на словах, сколько в активных выступлениях. Что касается чисто словесного выражения недовольства со стороны дворянства, то материалы Тайной экспедиции дают немного таких примеров. Вообще же в выражении своего недовольства, в критике существующего строя представители дворянства не шли дальше указаний на отдельные частные факты, не обобщая их и не возводя к основной причине всех неурядиц русской жизни.

Все рассмотренные мною случаи недовольства были пассивной формой борьбы с существующим строем. Другой разновидностью этой пассивной формы борьбы было стремление уйти от жизни. Оно выражалось в попытках бежать за границу или покончить с собой. В документах Тайной экспедиции есть данные о фактах и того и другого порядка. Среди лиц, пытавшихся в 80-х годах бежать за границу, наиболее интересной фигурой был Н. Смирнов, дворовый человек князей Голицыных, типичный представитель крепостной интеллигенции конца XVIII века. Сохранилось его собственноручное показание-автобиография, в котором он чрезвычайно живо рассказывает о том, как он дошёл до мысли о бегстве за границу и как пытался осуществить свой план.

Из самоубийц конца XVIII в. наиболее интересен ярославский дворянин И. М. Опочинин. В своём предсмертном письме от 7 января 1793 г., проникнутому крайним пессимизмом, он писал: «Я никакой причины не имел пресечь своё существование. Будущее, по моему положению, представляло мне своевольное и приятное существование, но оно скоро бы миновало», «а напоследок, — писал Опочинин дальше, — самое отвращение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить «своевольно мою судьбу». Он просил братьев отпустить его крепостных на волю, хлеб раздать крестьянам, а книги, которые только и «питали» его в жизни, — сжечь.

Меня интересовало настроение духовенства и его отношение к событиям последней трети XVIII века. Разумеется, по-разному были настроены и вели себя верхи и низы духовенства, но вообще, как показывают прежние исследования и материалы Тайной экспедиции, духовенство не играло сколько-нибудь заметной роли в истории общественной мысли и общественного движения в конце XVIII века. Секуляризация церковных владений, затрагивавшая интересы верхов духовенства, не вызвала в его среде движения в защиту права на эти владения.

Сельское приходское духовенство, судя по данным Тайной экспедиции, редко выступало со словесными протестами против правительства Екатерины II и его политики. Вид-

ное участие оно принимало в движении самозванцев; но тут преимущественная роль принадлежала не православному, а старообрядческому духовенству.

Настроение широких слоёв населения России в последней трети XVIII в., их отношение к происходившим тогда событиям, к политике правительства и к его отдельным представителям не могли найти выражения в тогдашней легальной печати. Это делает особенно важным выявление и изучение подпольной политической литературы того времени. Исследованию этой проблемы посвящена IV глава моей работы.

Подпольная политическая литература последней трети XVIII в. была по преимуществу продуктом творчества социальных низов. Здесь же она и получала главным образом своё распространение. В большинстве случаев Тайная экспедиция не обнаруживала авторов тех многочисленных и разнообразных подпольных произведений, по поводу которых она вела расследования.

После 1775 г. количество подпольных сочинений, судя по данным Тайной экспедиции и по имеющимся сведениям в нашей литературе, уменьшается. Поражение, понесённое крестьянством в восстании 1773—1774 гг., и губернская реформа 1775 г., усилившая роль и значение дворянства в местной жизни, показали воочию широким народным массам, какую силу представляет в государстве дворянство; бороться со всё усиливавшейся диктатурой дворянства подмётными письмами было теперь явно безнадёжным делом.

В 80-х и 90-х годах XVIII в. в связи с обострившимся внутренним состоянием страны и ростом сознания широких народных масс ясно обнаруживается в разных слоях населения стремление разоблачить конкретных виновников общественного зла и тем принести пользу отечеству. Попытки обличить неправосудие и взяточничество были подсказаны идеей служения отечеству, которая в это время находила всё новых и новых адептов. Проф. М. Н. Гернет правильно усматривает в этих попытках раскрыть злоупотребления властей, тот «рост сознания широких народных масс», который «был чреват для правительства совсем нежелательными последствиями и беспокоил его более чем неправосудие судей»¹. Этой теме я отвлёк V главу.

Особый интерес для меня представляло изучение самозванчества последней трети XVIII в. как одной из форм и одного из проявлений обострившейся в то время классовой борьбы (гл. VI).

Частое появление самозванцев в последней трети XVIII в. было результатом ухудшения общих условий жизни народных масс в связи с обострением классовой борьбы и частым повторением таких бедствий, как неурожай, голод и рост дороговизны жизни. В том же направлении действовала активная внешняя политика дворянского правительства Екатерины II, требовавшая частых рекрутских наборов и увеличения податей и налогов.

¹ Гернет М. «История царской тюрьмы». Т. I, стр. 41. М. 1941.

Все самозванцы последней трети XVIII в. (а их было более 20), за немногими исключениями, принадлежали к социальным низам и были беглыми солдатами, беглыми крестьянами или однодворцами. Значительную роль в возникновении и распространении самозванчества как движения социальных низов играли представители старообрядчества и сельского православного духовенства, положение и интересы которого были близки к положению и интересам народных масс. Одной из самых крупных сил в самозванчестве последней трети XVIII в. были однодворцы. Этой частной проблеме я отвёл в своей работе особое место. Самозванчество, как и всё движение социальных низов в то время, было движением стихийным, плохо организованным. Я установил, что основной территорией возникновения и распространения самозванчества были районы прежних народных восстаний: Украина, область Среднего и Нижнего Дона, Среднее и Нижнее Поволжье.

После поражения восстания под предводительством Пугачёва и издания Учреждения для управления губерниями, усилившего диктатуру дворянства на местах, самозванческое движение не прекращается. Причины, вызвавшие это движение, не перестали действовать и в 80-х и в 90-х годах.

Лозунги, с которыми выступали самозванцы, были несложны. Основное, что они прямо обещали или что мыслилось как естественное следствие их успехов, — это освобождение от крепостной неволи. Народные массы шли за самозванцами во имя борьбы с помещиками, но за хорошего царя.

Я изучил многочисленные попытки совершить после 28 июня 1762 г. новый переворот, попытки, возникавшие на почве широко распространённого в первую половину царствования Екатерины II в дворянских кругах (и среди гвардейского офицерства, в частности) недовольства её внутренней и внешней политикой. Но основным стимулом, толкавшим организаторов и участников этих переворотов на их выступления, являются их личные или узко групповые интересы. Поэтому почти все эти выступления могут быть отнесены к той категории переворотов, о которых Ленин писал: «Возьмите старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»¹. Только в выступлениях офицеров Озерова, Панова, Степанова и их сообщников (1769) была известная идейная направленность. Процесс этих лиц интересен как показатель настроений «мелкой дворянской сошки», выступившей с серьёзной критикой внутренней и внешней политики Екатерины II.

Восстание под предводительством Пугачёва сплотило дворянство вокруг трона Екатерины II. В то же время опасения насчёт возможных изменений в феодально-крепостническом строе в ущерб дворянству, возникшие в связи с созывом комиссии 1767 г., рассеялись, а законодательные акты

1775 и 1785 гг. окончательно показали, что правительство Екатерины стоит всецело на страже интересов «первенствующего сословия», и «век Екатерины» среди массы дворянства окружается теперь особым ореолом. В 80-х и 90-х годах не было ни заговоров, ни попыток совершить переворот. В самом конце XVIII и в начале XIX вв. дворянство уже выступает, сначала в лице Радищева, а потом в лице декабристов, на борьбу со всем феодально-крепостническим строем в целом и с его политической формой — самодержавием. Этим начинается новый период в истории русской общественной мысли и общественного движения.

Тщательное изучение дела Мировича (1764), пытавшегося освободить Ивана Антоновича, даёт много оснований подозревать в этом деле хорошо продуманную и ловко проведённую Екатериной II провокацию. Но прямых доказательств этого нет, и потому попытку Мировича можно отнести к той же категории переворотов, к которой принадлежит большинство попыток этого рода в последней трети XVIII века. Если в первый период царствования Екатерины II при попытках совершения переворота выдвигалась кандидатура Ивана Антоновича, то в 70-х годах заговорщики выдвигали преимущественно кандидатуру великого князя Павла Петровича. Только в заговоре Оленикова, Селехова и др. кандидаты на престол выдвигались, с одной стороны, из среды заговорщиков, с другой, — из «больших господ», в частности кандидатура князя М. М. Щербатова. В ряде процессов о попытках совершить переворот характерны расчёты их организаторов и участников на помощь извне.

Важным показателем политического роста русского общества в последней трети XVIII в. были проекты и записки об изменении существующего строя, которые через Тайную экспедицию попадали в руки императрицы. Этот материал существенно дополняет то, что уже было опубликовано по этому вопросу раньше и связано, например, с деятельностью Вольно-экономического общества. Указанные проекты и записки относятся к первой половине 70-х годов и первой половине 90-х годов. Они исходили от представителей разных социальных слоёв. Лишь один из авторов проектов был защитником интересов крупного землевладения, но и он в соответствии с духом времени много говорит о купечестве и торговле, что вообще является характерной чертой проектов и записок как 70-х, так и 90-х годов. Несколько из этих записок было составлено под непосредственным влиянием событий 1773—1774 гг., на других сказалось влияние событий внутренней и внешней жизни России конца 80-х — начала 90-х годов, а также событий буржуазной революции во Франции.

Наличие значительного количества проектов и записок, несомненно, свидетельствовало о большой демократизации общественно-политической мысли в России в конце XVIII века. Дворянство в общественном движении того времени занимало ведущее положение, но всё заметнее становится участие в нём буржуазии и разночинцев.

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 486.

Правительство Екатерины II не сумело понять и использовать поступающие к нему записки и проекты. Оно видело в их авторах только людей, совавшихся не в своё дело, напрасно «утруждавших» императрицу. Записки и проекты, сохранившиеся в делах Тайной экспедиции, очень разнообразны по содержанию, но по преимуществу они были посвящены экономическим и политическим вопросам. Большое внимание в них уделялось критике тогдашних административных и судебных порядков. Характерной чертой их была вера в силу указа императрицы в возможность перестроить всю жизнь распоряжением сверху. Одна из записок — Г. И. Попова (1792) — основным своим содержанием имела крестьянский вопрос. Попов выступил в ней горячим сторонником отмены крепостного права. По своей идейной направленности она представляет большой интерес и прямо подводит нас к «кругу» Радищева, но никаких указаний на знакомство Попова с Радищевым и его «Путешествием» в документах нет. Косвенные указания на знакомство Попова с Новиковым и его «кругом» в деле имеются.

Особый проект чисто классового характера выдвинуло в середине 90-х годов XVIII в., по инициативе пубернского предводителя Хорвата, харьковское дворянство, среди которого шла борьба разных группировок. Проект имел целью укрепить «дворянский корпус» и усилить в местной жизни роль верхов дворянства. Правительство Екатерины II решительно отвергло притязания верхов харьковского дворянства. Генерал-прокурор граф Самойлов в своих «примечаниях» к «пунктам» Хорвата писал, что все они должны быть отклонены, так как одни из них излишни, другие противоречат существующему закону.

Значительный интерес представляют проекты купца Бабкина и разночинца (по паспорту тоже купца) Попова.

Наконец, IX глава моей работы «Процессы вольнодумцев» посвящена изучению нескольких типичных и интересных для конца XVIII в. проявлений «вольнодумства». В этой главе я стремился показать окружение и атмосферу, в которых созревало и вылилось в революционный акт выступление Радищева. Мне не удалось установить наличие непосредственных личных связей Радищева с теми вольнодумцами, о которых я говорю в этой главе, но близкая идейная связь между ними и Радищевым, интерес к нему определённо чувствуются. Точно так же при сопоставлении с деятельностью Кречетова несколько иное освещение получает деятельность Новикова и его окружения.

Одно из видных мест среди вольнодумцев конца XVIII в. занимает только что названный разночинец Ф. В. Кречетов, взгляды ко-

торого в нашей литературе не получили правильной оценки (я имею в виду высказывания Гр. Гуковского и Н. П. Чулкова; наиболее правильно его понял Плеханов). Кречетов был вольнодумцем-просветителем, не имевшим не только революционных, но даже радикальных социально-политических взглядов. В крестьянском вопросе он занимал очень консервативную позицию; он говорил, что Радищев своей «книжкой одно дурачество и дерзость глупую показал». Кречетов отстаивал свободу совести и слова, был против агрессивных войн, восставал против неправоудия, взяточничества и всяких злоупотреблений. Его деятельность по организации просветительно-издательского общества характеризует Кречетова как общественного деятеля, шедшего в ногу со многими его современниками. Эта сторона его деятельности, а отнюдь не его многочисленные сочинения представляет наибольший интерес.

Из других «вольнодумцев» конца XVIII в. наибольший интерес представляет майор В. В. Пассек (отец В. В. Пассека, друга Герцена), попавший в 1794 г. в руки Тайной экспедиции и являющийся представителем прогрессивно и демократически настроенного молодого поколения конца XVIII века. Человек увлекающийся, наделенный некоторым литературным талантом, с разнообразными литературными интересами, настойчивый и смелый, он, хотя и отрицал склонность к «французской вольности», но держал себя в Тайной экспедиции с достоинством и независимостью, редкими в практике этого учреждения. Он не просил, по его словам, о снисхождении и прощении, а добивался справедливости. Характерно его признание: «Быть игралищем прихотей вредных начальников не мог никогда». Одним из отличающих его личных свойств была готовность жертвовать собой, чтобы облегчить положение других, с кем он был связан дружескими или деловыми отношениями.

Процесс В. В. Пассека, вскрывающий его знакомства, показывает, что идеи «французской вольности» довольно глубоко проникли в среду провинциального офицерства и чиновничества. Была здесь известна и книга Радищева. Через четыре года после её выхода в свет и осуждения её автора «Путешествие из Петербурга в Москву» можно было найти в Кременчуге, проникла она и за границу, в Молдавию; при «дворе» князя Тавриды она в это время, повидимому, обращалась совсем открыто.

Другие фигуры вольнодумцев, которые были предметом моего исследования, менее яркие, но, взятые вместе, они хорошо дополняют тот фон, на котором более чётко выступают такие крупнейшие величины общественной мысли конца XVIII в., как Радищев и Новиков.